

The book cover features a white background with a dense pattern of red splatters and streaks, resembling blood. Several bullet casing are scattered across the surface. A large orange rectangle is positioned on the left side, containing the author's name and the title. The overall aesthetic is gritty and violent.

Лариса Порхун

Пьяный дом

сборник рассказов

16+

Лариса Порхун

Пьяный дом

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Порхун Л.

Пьяный дом / Л. Порхун — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Герои рассказов, включённых в этот сборник, очень разные. Это мужчины и женщины, молодые и зрелые, наивные и изворотливые, добрые и озлобленные... Они не знакомы и совсем не похожи друг на друга. Объединяет их только одно: тяга к употреблению алкоголя. Безумная, неуправляемая, мучительная. Алкоголь на каком-то этапе жизни этих людей стал их господином и повелителем. И даже в жизни тех из них, кто смог преодолеть это губительное пристрастие, он оставил свой неизгладимый и болезненный след...

Содержание

Возвращаться – плохая примета	5
Главное, чтобы костюмчик сидел...	8
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Лариса Порхун

Пьяный дом

Возвращаться – плохая примета

Главное, изначально, Витёк такого, именно, развития событий предвидеть никак не мог. И уж, понятное дело, никак не планировал. *Как говорится, и в мыслях не было. И ничего беды не предвещало...* Это уже оказавшись в КПЗ, он от огорчения стал размышлять таким вот поэтическим образом. А началось-то всё как? Да, обыкновенно... То есть очень даже неплохо всё было задумано. Собрались они, значит, у Мишани, по случаю... Да разве так уж важно по какому поводу?... Что, в самом деле, за манера везде искать уважительную причину!? Неужели друзья не могут встретиться просто так? Ну, ежели желаете, ладно: последняя, скажем, суббота на этой неделе. Устраивает? Чем не причина? А если серьёзно, то у Мишки жена с дитём к мамаше на все выходные уехала, вот они и собрались втроём. Три старых товарища. Можно даже сказать друга... Он, Мишаня и Лёха, договорились встретиться, чтобы отметить в строгой мужской компании окончание тяжёлой, рабочей недели. У него, у Витька, правда, постоянной работы, нет, но разве так уж обязательно вникать во все эти второстепенные тонкости?

И началось-то всё как прекрасно и замечательно... То есть они, как водится, чутка подсутились, скинулись, сгоняли в магазин, и выставляя из пакета стеклянную и пластиковую тару, Витёк в тот момент был готов искренне поверить, что жизнь его начинает налаживаться и вполне ещё может заиграть радужными красками... А что? Ему всего-то 41. Это что, возраст, по-вашему, для мужика? Кто сказал, что в ближайшее время ему не подвернётся нормальная работа? У него, у Витька, то есть, руки, слава богу, откуда надо растут. Такого электрика, к примеру, ещё поискать. Только везде же шкуры эти продажные сидят, все козырные места ими заняты... А для таких честных работяг, как Витёк, только и остаётся, что случайная подработка...

После первого литра беленькой, чуть полирнув её крепким пивасом, Витёк совсем размяк и притулился к стеночке на Мишаниной кухне. Он вдруг каким-то новым, благостным взглядом поглядывал на своих приятелей и думал:

– Будет работа, стабильный заработок, там, глядишь, и женщина нормальная появится... Симпатичная, добрая и понимающая, не в пример его бывшей... Вот уж, мегера, не к ночи будь помянута...

– А что? – продолжал рассуждать он, – вон Лёха, на год его старше, а уже в третий раз собирается жениться... Витёк, залпом допил пиво, закурил и с ласковой нежностью посмотрел на друга:

– Лёха, конечно, обаятельный, что есть, то есть... И притом, рыжий, а рыжим всегда везёт... Ну и мы тоже, как говорится, не лыком шиты... Женюсь, – мечтал Витёк, – съеду, наконец, от матери, а то весь мозг уже проклевала: *давай кодироваться, да пей ты, скотина, полегче, да кто тебя терпеть-то станет, кроме родной матери, да всю душу, ирод, вымотал...* В общем, всё в таком роде, просто неохота вечер хороший портить, а то ему, Витьку тоже, между прочим, есть что сказать по этому поводу... А вообще, он человек миролюбивый, просто сволочей кругом полно... И Витёк подумал, что сейчас, в преддверии, так сказать, Нового года, самое время выпить за осуществление своих блестящих планов и грандиозных перспектив.

– Хватит градус понижать! – встрепенулся Виктор, когда увидел в руках у Мишки снова пиво, – у меня есть тост, – провозгласил он, открывая вторую бутылку водки...

Вот так они сидели, культурно отдыхали, как вдруг, часам к десяти, Лёшка подрывается и сваливает, объясняя это тем, что завтра, видите ли, они с его пассией идут на воскресный обед к её родителям и, само собой, ему необходимо предстать перед их ясны очи, не с сильно заплывшей физиономией и желательно, чтоб запах перегара, был не столь вызывающим. Глядя, как Лёха сражается с собственными ботинками, пытаясь обуться, Витёк подумал, что вряд ли Лёхино стремление выглядеть перед родителями избранницы кристально чистым человеком, а не пьяной свиньёй, осуществимо в полной мере.

– Слабоват, Лёшка, конечно... И всегда таким был, – с грустью думал Витёк.

Друзья Лёху, конечно, отпустили, всё-таки – жених, как-никак. Но от едких, напутственных слов, сопровождаемых гомерическим хохотом на весь подъезд, удержаться всё-таки не смогли. Говоря совсем откровенно, то даже и не пытались.

Тот небольшой временной отрезок, во время которого они с Мишаней оставались вдвоём, не очень чётко сохранился в памяти Витька. Он помнит, что доказывал приятелю, как его обязательно будут умолять, прийти к ним, а он, типа, ещё подумает. И как она, ну разумеется, Ленка, жена бывшая, якобы очень скоро, буквально на днях, приползёт к нему на коленях и... видимо тоже будет слёзно просить о чём-то... Витёк хорошо помнит, что никак не мог закончить мысль, что-то в голове всё время путалось, да Мишка, вдобавок, приставал со своей пепельницей, дескать стряхивай пепел аккуратнее, сюда, вроде того, а не на пол... Мишка вообще очень изменился, с тех пор, как женился на этой своей... Стал просто-напросто скучным, бесцветным нытиком и подкаблучником. А всё потому что жена его такая же стерва, как и его Ленка... А может ещё и похуже... Да... Он так и сказал Мишке... Кто ж знал, что жену его принесёт нелёгкая раньше времени. Сидела бы у матери своей, так нет же припёрлась, и там, наверное, всех достала. Но печальнее всего, что Настюха его слышала. О том, как он её расписывает. Ну, может быть и не всё, но кое-что довольно отчётливо уловила точно. Он сидел спиной к двери, поэтому никак не мог видеть кто там замер в проёме, наливаясь яростью и готовясь к прыжку на манер королевской кобры.

А Мишаня тоже хорош, нет, чтобы сказать, гляди, мол, кто это тут пожаловал такой сердитый... А он только глаза таращил, икать начал с перепугу, да улыбался, как Ваня-дурачок. Витёк, честно говоря, вообще подумал, что это его слова такое впечатление производят на приятеля.

– Может, – даже успел подумать Витёк, – ему до сих пор никто правды-то не говорил, мол, Миша, друг, беги ты, пока не поздно, вот он и замер в ступоре, потрясённый таким открытием...

Ну, дальше неинтересно совсем. Настюха, вот уж змея, действительно, до чего ж язык ядовитый у бабы... В общем, выгнала она его, ещё и оскорбляла всяко. Да и Мишане, честно говоря, досталось:

– Если хочешь, как дружок твой, алкаш подзаборный, – кричала она ему, – на пятом десятке с мамашей своей жить, ради бога... Только, говорит, скажи, я тебе это мигом устрою... Ну и ещё всякое там... Просто неохота вспоминать... Конечно, деловая, хата-то её. Мишаня, бедолага, там на птичьих правах. А Витёк, дурень, ещё завидовал приятелю, как Мишка, сельский парень, такую штучку городскую да упакованную нашёл. Везунчик, мол... Ага, сейчас...

Словом, ушёл Витёк. Ему два раза повторять не нужно. Расстроился, конечно, но вида не подал. А Мишке так и надо! Его, можно сказать, лучшего друга помоями поливают, а он только, – *Настюш, да Настюш...* Фу, даже противно... Выйдя на улицу, Витёк посмотрел на окна квартиры из которой только что вышел и где, наверняка кипели нешуточные страсти, и покачал головой, бормоча:

– Не дай бог...

Было уже очень поздно. В небе высоко светил холодный, декабрьский месяц, равнодушно глядя, как одинокий мужчина нетвёрдой походкой идёт по пустынной улице и что-то неслышно

бормочет. Минут через пятнадцать только, хлопнув себя по карманам, Витёк понял, что сигареты остались у приятеля. Он длинно и смачно выругался, в какой-то слабой надежде шаря в десятый раз по карманам. И это было совершенно бессмысленным занятием, так как он прекрасно помнил, что его смятая пачка лежала на столе за массивной пепельницей, которую Мишка всё двигал в его сторону, так как пепел, действительно, частенько летел мимо. Ещё раз, вспомнив не самыми лучшими словами Мишаню, его жену, Лёшку, что так вовремя свалил, и почему-то пепельницу, Витёк понуро побрёл дальше. Как назло курить хотелось всё сильнее. К тому же он чувствовал, что начинает замерзать. Волна глухого раздражения накрыла его с головой. Мало того, что он забыл курево, так и выпивки ещё прилично оставалось, (а он, между прочим, на неё точно так же скидывался), вдобавок ещё и денег ни шиша не осталось, ну что ты будешь делать. Витёк снова ругнулся. Теперь нужно будет у матери даже на проезд кланяться. Свернув в тёмный переулок, Витёк поравнялся с небольшим, слабо освещённым изнутри винно-водочным магазином. Он замер, рассматривая заманчивую витрину. От райского наслаждения его отделяло всего лишь тонкое стекло. Решение, как всё неординарное и выдающееся, созрело в его голове совершенно неожиданно и притом мгновенно. Он оглянулся, подобрал крупный булыжник, будто для него специально положенный, и отошёл, как ему тогда показалось, на приличное расстояние. Чтобы в случае чего, у него был шанс скрыться в темноте. Резкий замах... Бросок... И стекло с оглушительным грохотом посыпалось внутрь магазина и на тротуар. Витёк затравленно оглянулся. Тишина... Ни единого звука... Он шагнул внутрь и словно попал в сказку. Он взял у кассы плотный пакет и быстро наполнил его разноцветными бутылками. Сверху торопливо положил пару блоков сигарет. И быстро вышел тем же путём, что и вошёл. Завернув с тяжеленным пакетом за угол, Витёк остановился, шумно переводя дыхание, и осмотрелся. Вокруг по-прежнему было тихо. Пакет приятно оттягивал руку. Витёк прошёл несколько метров, но гостеприимно зияющая дыра в витрине настойчиво манила его обратно:

– Что я за идиот, – подумал Витёк, – Да такой случай, может быть, раз в жизни выпадает, – он нырнул с пакетом в какую-то арку, хорошенько, как показалось, ему самому, замаскировал его за урной и зачем-то накрыл собственной курткой. Затем вернулся и уже не спеша, с чувством, с толком, с расстановкой наполнял новый пакет, придирчиво изучая этикетки. Он даже устал и несколько раз протяжно зевнул. В какой-то момент, Витёк обнаружил дверь в подсобное помещение, вошёл туда с баночкой чего-то ядрёно-заграничного, и присел на продавленный диванчик. Дальше Витёк ничего не помнит. Проснулся он от того, что один полицейский тряс его за плечо, а второй стоял рядом с немецкой овчаркой и терпеливо наблюдал за этим. Самый довольный вид был у собаки. Высунув язык, она радостно смотрела на него умными, необычайно блестящими глазами. Весь её вид будто говорил:

– Смотри, я нашла твои вещи... Витёк потряс ничего не соображающей чугунной головой и увидел в углу набитый до отказа пакет и собственную куртку. Из-за плеча крупного полицейского выглядывало бледное, вытянутое лицо хозяина магазина. Витёк перевёл мутный взгляд в открытую настежь дверь крошечной бытовки. Разбитую витрину бесцеремонно и весело освещало поднимающееся зимнее солнце, сообщая всем присутствующим о наступлении ещё одного нового дня...

Главное, чтобы костюмчик сидел...

Борису – 65. Когда-то, очевидно, исполнилось. Точно никто, по-моему, не знает. Возможно, даже он сам. Есть люди, которые уже в 28 – Светланы Геннадиевны или, к примеру, Вячеславы Николаевичи. Только так. На «вы», что называется, и шёпотом. И есть те, что в Лёнчиках или, скажем, в Ирочках бегают до пенсии. А иногда и после неё. Вот и Боря, всегда Боря. В самом крайнем случае – Борис. Мне его, в своё время, именно так и представили: а это, дескать, наш Боря. Ему тогда, наверное, лет под шестьдесят было. И представил его подобным образом тридцатилетний «мальчишка». Я увидела перед собой невысокого, плотного человека, с круглым, улыбающимся лицом и выразительными карими глазами. Боря – наполовину армянин. Но старается этого не афишировать. Потому что считается, что нельзя (дальше будет почти по Довлатову, только он писал о евреях), быть одновременно и армянином и пьющим человеком. Бытует, скажем так, такое мнение. Глубоко проникшее в сознание народных масс. Вот представители армянской диаспоры, широко представленной в нашем крае, ему и наемкнули, мол, не позорь нацию, в самом-то деле. Вспомни, в конце концов, что в тебе течёт благородная кровь, которую ты безжалостно отравляешь, поглощая разнообразное пойло, причём часто в количестве, далеко превышающем понятие культуры питания. То есть, наверняка, что-то в этом роде было сказано, в связи с чем, Боря не сильно усердствовал, когда речь заходила о его национальности. Он, как бы это выразиться, немного стеснялся.

Но, тем не менее, каким-то образом эти два, можно сказать, диаметрально противоположных качества, умело в себе совмещал. Хотя то, что он, не славянин, всё равно очень хорошо видно. Против натуры, как говорится, не попрёшь. Вот такую монументальную дилемму всю свою жизнь, впрочем, забегая вперёд, добавим, что совершенно безрезультатно, и пытался разрешить Боря. Он не мог, по вполне очевидным причинам перестать быть армянином и не мог, по соображениям более глубинного плана, не пить.

Всю жизнь Борис считал, что живёт не своей жизнью. И для этого, надо заметить, особенно если встать на его позицию, были-таки все основания. Его отец-армянин работал сапожником и, по словам Бориса, считался отличным мастером. И к тому же, разрушая все мифы и представления, бытующие повсеместно об этой профессии, был тихим и богобоязненным человеком. Хотя, справедливости ради, следует сказать, что эти замечательные качества не помешали ему, будучи женатым человеком, завести роман на стороне с одной, приятной во всех отношениях, русской барышней. Со своей женой детей у Бориного отца всё не было, а вот его подруга в скором времени родила глазастого, симпатичного мальчишку с небольшим, правда, изъяном – кривошеей. Жена отца выдвинула ультиматум, что-то вроде того, или я, типа, или она. Благородный сей муж, слегка поразмыслил, представил, как сзади строго и бдительно следит за его решением весь армянский народ, вздохнул, возможно, и отступился. Давая тем самым понять своей не вполне законной симпатии, что, мол, прости, конечно, но, сама понимаешь, погуляли и будя. Дальше – больше. Ничтоже сумняшися, эта бойкая девица, едва придя в себя после родов надела сыночку на шейку серебряный крестик, чмокнула хотя бы, надо полагать, в смуглую щёчку и завернула в красивое одеяльце, как нам хотелось бы надеяться, смахивая при этом одинокую слезу. Затем положила в этот конверт гневную записку с описанием непробиваемой доказательной базы да ещё и в хронологическом порядке обличавшую бедного сапожника со всех сторон. Присовокупила бутылочку с молоком, и принесла к дому, как бы сейчас сказали, *своего бывшего*. Всё это добро положила на порог, да и удалилась гордо, под аккомпанемент проснувшегося младенца, кокетливо покачивая наливными грудями и бёдрами, да взмахивая при каждом шаге белокурыми локонами.

Строгая жена Бориного отца, Нонна, глядя на орущий свёрток, скорбно поджала губы, якобы давая возможность принять решение главе семьи, хотя и была уверена, что двух мнений

здесь быть не может. И как раз совсем недавно, она это мнение, кажется, вполне доступно озвучила. Борин отец затравленно обернулся, глядя на выжидательно и грозно сдвинутые брови на собирательном лице армянского народа, тяжело вздохнул и сказал, глядя в пол:

– Он останется... Тем более, что у тебя всё равно детей нет...

Нонна вспыхнула, но ничего не сказала. А воображаемое и обобщённое лицо разгладилось, как заметил отец, наблюдающий за ним исподтишка, и даже слегка ему подмигнуло. Мол, ничего, брат, никуда она не денется, будет растить, как своего. А ты, красавчик, братуха, всё правильно сделал. После чего, бесследно растворилось в воздухе.

Мальчика назвали Борис, оформили соответствующие документы и ребёнок остался уже, так сказать, на законных основаниях. Самое интересное, что через год Нонна родила дочь, а ещё через год – сына! Фантастика?! Не думаю... Так оно, как правило, и случается.

Самые ранние свои годы, Боря не слишком хорошо помнит. Осталось только общее ощущение какого-то тотального одиночества и ненужности. О том, что он матери неродной, Боря узнал в три года. Сама Нонна и рассказала. И после этого, по мере того, как Борис подрастал, характеристики, касающиеся морального облика его родной матери, а также мнения о ней всего станичного населения, только увеличивались и обрастали подробностями личного и даже интимного свойства. На наивный вопрос Бори, почему она его отдала, Нонна со всей обезоруживающей беспощадностью констатировала:

– А на черта ты ей нужен? Такое ярмо на шее, ей же гулять надо... Это только твой недалёкий размазня отец мог принять байстрючонка в свой дом...

Свою мать, к слову говоря, Боря никогда так и не видел.

Если мачеха проявляла почти нескрываемую враждебность, то отец сохранял нейтралитет и практически никогда не вмешивался. Он искренне считал, что его жена – это святая женщина, которая с честью несёт выпавшие на её долю испытания. И Боря, будучи от природы довольно сообразительным, очень рано усвоил, что мачехе на глаза лучше лишний раз, не попадаться, а если уж попался, да ещё и под горячую, что называется, руку, то у отца защиты искать бесполезно. Приятных детских воспоминаний у Бориса – всего два. Зато какие! Первое – это поход с отцом в баню по субботам. Больше всего в этом Боре нравилось, что отец после бани покупал себе бокал пива за 38, что ли, копеек и отливал чуть-чуть в стаканчик Боре. Это было бесподобно! Когда он, раскрасневшийся, накупанный мальчик, пил этот прохладный, терпкий напиток, то чувствовал самое настоящее блаженство. В то время он мечтал о том, чтобы было можно ходить в баню каждый день.

Вторая детская радость – это когда его сестра, та самая, что родилась сразу после него, вместе со своими подружками причёсывала и наряжала его, как куклу. Плотненький, гладкий Боря, с закручивающимися вверх густыми ресницами, был действительно чем-то неуловимо похож на розовощёкого пупса. Ему нравилось, как девочки суетились вокруг него и даже иногда ссорились. В такие моменты Боря чувствовал себя нужным и довольно привлекательным. Тем более, если учесть, что с мальчишками из-за своего недостатка у него полноценно играть не получалось.

Борис рос и вопреки жизненным обстоятельствам, человеком был весёлым, коммуникабельным и добродушным. Самостоятельно научился играть на аккордеоне. Вообще был очень артистичным. Прекрасно пел, читал стихи. В школе, в училище, ещё в одном государственном учреждении, о котором речь пойдёт чуть позже, – везде он занимался художественной самодеятельностью. Таким же сильным было увлечение футболом. Но играть, по состоянию здоровья, он не мог. Но ему очень хотелось быть хоть как-то причастным к этому виду спорта. И тогда Боря футбол начал... комментировать. Делал это превосходно: динамично, страстно, и, главное, профессионально. Его стали приглашать на различные матчи в качестве комментатора. Тогда же, примерно, Борис стал и попивать. Всё пытался вернуть то своё детское ощущение

после бани, когда с невероятным наслаждением выпивал тот свой стаканчик пива. Получалось далеко не всегда...

И почти неизменно, чем бы Борис не занимался: читал ли любимого Есенина со сцены, наблюдал ли из комментаторской будки за игрой двух знакомых до боли местных команд, сидел ли в баре после матча и травил байки с приятелями, возвращался ли понуро домой, абсолютно везде Боря чувствовал, что он как будто проживает чужую жизнь.

Его место не здесь. Он должен быть где-то там. Где именно, Боря, правда, и сам затруднялся сказать. Но чувствовал, что где-то там, где свет юпитеров вместе с тысячью восторженных глаз направлен на него. Где он, такой красивый и торжественный, в шикарном костюме и умопомрачительном галстуке с микрофоном в руках благосклонно обращается к своим благодарным зрителям. Где много музыки, много цветов и неприкрытого восхищения... Это не могло быть плодом больного воображения. Ведь он отчётливо видел все эти картины. В течение многих лет...

Тем временем, отшумели разбойно-неустойчивые 90-е, и заграничное изобилие благодатной и щедрой рекой потекло к российскому берегу. Довольно полноводный и упитанный ручеёк прибыл и к родному городу Бориса. В самом центре которого открылся роскошный и невиданный доселе магазин с умопомрачительным названием «Пассаж». И там, о Боже, появился целый отдел исключительно мужских костюмов. Борис самым натуральным образом заболел. Несмотря на то, что к тому времени он уже был женат и имел дочь, он ездил в этот конгломерат неслыханной роскоши, чуть ли не каждый день. Он смотрел на эти костюмы, трогал их рукой, закрывая глаза, представлял себя в них. Вот этот строгий, чёрный – хорош для торжественной и официальной церемонии. Вот в этом – светлом, с голубой полоской, было бы неплохо спуститься к завтраку в парижском отеле «Риц». А этот, о этот, тёмно-бордовый, с искрой, – Боря прижимал рукав к сердцу и снова томно прикрывал глаза, – не замечая, как хихикают молоденькие продавщицы, кивая на него друг другу, – в этом он непременно посетил бы оперу в Риме...

И однажды Боря решился. Оставив ночью маленькую дочку и жену, которую за глаза и в глаза, называл не иначе, как Нина Петровна, Борис хорошенько выпил, что называется, уж поддал так поддал, и... залез в чудесный, таинственный и великолепный «Пассаж». В темноте пробрался к хорошо знакомому отделу, к которому дорогу нашёл бы и с закрытыми глазами, и тут... началось шоу! Борис примерял один костюм за другим, сам себе позировал, величественно, насколько позволял его повреждённый, шейный отдел позвоночника – откидывал голову, отступал назад и кланялся, приближался к зеркалу и самозабвенно прикладывал руку к груди... Это было бесподобно... Вот она настоящая жизнь! Вот где он должен быть!! Он... он, да ну её эту ложную скромность, давайте называть вещи своими именами, – он прекрасен! В конце, Борис так расчувствовался, что прослезился...

О том, что всё это действие от начала до конца наблюдали из соседнего с «Пассажем» РОВД Октябрьского района, при этом, как и положено, покатываясь со смеху, он узнал уже потом. А пока... Начинало светать... Борис, хоть и был изрядно выпивши, все костюмы аккуратно повесил на место. Все, кроме одного. Бордового... Того самого, любимого. Главное, он и сшит был, как для него. Ну, будто по Боре мерку-то снимали, ей-богу! В нём и пошлёпал к выходу, утирая глаза от переизбытка чувств. Где его, разумеется, и приняли радушные, но сильные руки постсоветской милиции. Они тоже ещё некоторое время утирали глаза, только от смеха, и обращались с Борей, в благодарность за доставленное удовольствие вполне миролюбиво.

Боря недолго посидел в местах не столь отдалённых, вскоре вышел по УДО за примерное поведение и активное участие в общественной жизни колонии. То есть, Боря читал до дрожи в голосе Есенина, играл на баяне и даже руководил тамошним хором. Паханы Бориску

не трогали, он фиктивно записывал их в хор, так как это поощрялось администрацией. Так что «сидел» Боря тоже весело, можно сказать, с огоньком. Тогда же получил кличку «Артист».

Вернувшись к Нине Петровне и слегка подросшей дочери, Боря начал жизнь с чистого листа. Вернее, имел очень серьёзное и очень честное намерение её начать. Но у него не слишком-то получалось. Боря всё больше выпивал, терял работу, снова устраивался, перебивался случайными заработками. А тут ещё и сынок родился. Счастья, можно сказать, ещё больше привалило. И только одна отдушина была у Бори, только одна. Он вспоминал, что где-то его ждёт великолепная, сияющая жизнь, аплодисменты, шикарные костюмы, красивые женщины, восхищающиеся им... Тискающие и наряжающие его, как подружки сестры в детстве. А ещё Борис вспоминал свой *сольный вечер в «Пассаже»*. Нет, ну теперь-то он поумнел. Теперь он таких глупостей делать не станет. Так думал Борис. И тем непонятнее, как произошло то, что, собственно говоря, произошло. Борис каким-то непостижимым образом снова оказался один, ночью, в (заговорённом что ли?) «Пассаже».

И снова доблестные стражи порядка от души повеселились, и снова приняли, так сказать, любителя прекрасного, музыканта и эстета – Бориску, под белы ручки на выходе...

...Мда-а, как говорится, это было бы смешно, если б не было так грустно. Хотите верьте, хотите нет, но Боря «брал» «Пассаж» после этого ещё два раза... В определённых кругах о нём рассказывали анекдоты. Отдельвался полусерьёзными сроками и неизменно возвращался к своей неулыбчивой, но верной Нине Петровне.

Сейчас Боре – 65... По-моему... Он больше не вламывается в «Пассаж»... Он вообще туда не ходит. Никогда. Пить Боря стал тоже полегче... Здоровье, знаете ли... Дети выросли и разъехались. Отношения с ними у Бори не то, чтобы слишком тёплые. Но он никого, кроме себя не винит. Что ж поделать, если вместо того, чтобы заниматься детьми, папа, то в колонии, то в баре, то в... «Пассаже»...

Сейчас у них с Ниной Петровной свой, маленький бизнес. Они пекут пирожки с разной начинкой, и Боря затем на своём стареньком мотоцикле с коляской, развозит их по двум-трём «точкам». Он просыпается в три часа ночи, чтобы поставить тесто. Это самое приятное время. Он спит на летней кухне один, поэтому никому не мешает, если Борис вдруг затынет: *«О, Марита-а-анна, моя Марита-а-анна, я никогда не забуду тебя-а-а...»* или *«Смейся, пая-а-ац, над разбитой люб-о-о-овью...»*

Вот так бы он пел в Гранд Опера, если бы стоял на сцене в том самом великолепном, бордовом костюме с искрой. Он, Борис, маленький, смешной человечек, бесконечно уверенный в том, что проживает не свою, а чью-то чужую жизнь...

Р. С. А пирожки у Бори очень вкусные. Особенно те, что с рисом и с мясом... Я знаю, пробовала...

Запой

длинною

ценою в жизнь

Анатолий с трудом разлепил веки. Ощущение было такое, будто ему в голову методично, с садисткой настойчивостью и упорством, вбивают стальные конусы. А впрочем, ему не привыкать. Из своих тридцати семи лет – двадцать с лишним, он пьёт практически каждый день. Толян, собственно, и просыпается только для того, чтобы выпить. То есть, он живёт для того, чтобы пить. Но верно и обратное: он пьёт для того, чтобы жить. А по-другому и не получится, – пока Толик не выпьет, жить он не начнёт. Это уж, как пить дать, простите, за невольный каламбур. Так уж повелось, уже много лет. Раньше он пил для храбрости, веселья или за компанию, чтобы быть, как все. А потом уже из-за того, что не мог выносить этот мир на трезвую голову, ему в нём, трезвому, было невыносимо тошно. Его рвало на части или... просто рвало. А когда он выпивал, он почти моментально примирялся с действительностью, и окружающий мир становился вовсе не таким уж отвратительным. Кроме того, населяющие его люди, которые ещё

совсем недавно вызывали хорошо ему знакомый рвотный рефлекс, казались вовсе не такими уж мерзкими, жалкими и отталкивающими.

Это потом он уже просто не мог обходиться без спиртного. Он даже не помнит, когда это произошло. Когда алкоголь из чудодейственной таблетки, раскрашивающий пространство в яркие и тёплые цвета, а людей, превращающий, как по мановению волшебной палочки в милых, добрых, желающих помогать ближним ангелоподобных существ, стал необходимой и основной частью его жизни. Хотя спиртное давно не оказывало на него прежнего действия. Он уже не получал и близко того удовольствия, и того драйва, как в самом начале своего употребления. Действие волшебного эликсира, по всей вероятности, окончилось для него навсегда. Да Толя на это уже и не рассчитывал. Он пил только потому, что без этого не смог бы даже подняться утром. А вставать приходилось, так как каждый день необходимо было искать деньги или выпивку. И чтобы хватило до вечера, иначе не уснуть, и обязательно осталось на утро, так как без этого, он не сможет встать. Вот такой замкнутый круг.

Сейчас Толику показалось, что по стальным конусам, кто-то неистовый, огромный и жестокий бьёт гремучим отбойным молотком. Шум стоял такой, что его двухкомнатная, добротная времянка, напомнила ему шариковый цех, в котором он по молодости проработал несколько лет, когда устроился на подшипниковый завод. Только, когда в его окно забарабанила пухлая женская рука и истошно закричала: «Толя, открывай», до него дошло, что шариковый цех здесь совершенно ни при чём. Это стучала, словно ружейным прикладом своими свинцовыми кулачками сначала в дверь, а потом в окно, рискуя выломать одну и разбить второе, их соседка баба Тася. Вся эта какофония сопровождалась диким собачьим воем.

– Чё ж это батя, оглох что ли? – лениво ворочалась в голове у Толи в полном одиночестве неповоротливая и заплывшая жиром мысль, – А может в магазин пошёл? Магазин! – встрепенулся Толя и не глядя, вытащил стоявшую за подлокотником софы, бутылку. В дверь снова забарабанили. Кроме того, снова жалобно и тягуче завыл их цепной пёс.

– Чёрты бы тебя уже взяли, калоша старая, – бормотал Толик, с трудом принимая сидячее положение, прислушиваясь к своим ощущениям и не сводя жадных, мутных глаз с бутылки, в которой плескалась добрая четверть водки.

– Счас, тётъ Тась, – крикнул он, хриплым, булькающим голосом, прикладываясь к горлышку, – Принёсла ж тебя нелёгкая с утра пораньше, – выдохнул он, смачно прочистив глотку и хлопая по карманам треников, в которых так и спал, в поисках сигарет.

К верещавшему неразборчиво голосу бабы Таси, присоединился ещё один, молодой – Зинки-портнихи, и когда Толик, наконец, открыл дверь, то был оглушён женскими отчаянными криками:

– Ах, ты ж паразит такой, кой ты чёрт закрываешься на сто замков, как красная девица... Отец твой, Толик...

– Тиха-а! – прикрикнул он на женщин, – Цыц, шкура, – гаркнул он собаке, выуживая из смятой пачки единственную, поломанную сигарету, – Чего надо? – теряя терпение, так как действие полувыдохшейся водки стремительно заканчивалось и нужно было срочно думать, что делать дальше, спросил он.

– У-у, – протянула баба Тася, – глаза б мои тебя никогда не видели... Сейчас позвонили из больницы, умер отец твой... Час назад...

Зина испуганно смотрела на Толика:

– Толя, ради бога, что у вас произошло? Почему он избитый до полусмерти попросил Афанасьевну вызвать вчера скорую?

– А я почём знаю? – скривился Толик, – он мне о своей личной жизни не докладывает... И тут же у него в голове возникла новая, не в пример прежней, стройная и бойкая мысль, – Если отец в больничке, значит можно спокойно зайти в дом и поискать деньги в комодке, под стопкой белья... У него пенсия недавно была, а отец у Толика экономный, наверняка там при-

лично осталось. И тут его осенило, точно, вот именно из-за этой пенсии, они вчера и поругались! Толику, как это часто бывает, не хватило, он пришёл к отцу, и по-хорошему попросил, подкинь, мол, немного денюжат. А тот ни в какую, нет и всё. Ещё и острить, старый, удумал, печатный, говорит станок, временно не функционирует. А мать, как назло, за тридцать земель, уже который месяц в Узбекистане этом торчит. Поехала навестить больную дочь и внуков, да так и застряла там из-за пандемии.

– Что случилось? А то ты не знаешь, что случилось, Зинаида?! – вернул его снова к действительности, визгливо-пронзительный голос пожилой соседки, который снова привёл в действие жуткие конусы с отбойным молотком впридачу, – Избил он отца родного, впервые что ли? Только на этот раз так, что у того отказали почти все органы... А Лиду, мать, он сколько бил? А жену с дитём по всему селу гонял, забыла что ль?

– Так, дамы, прошу на выход, – морщась от набата в голове, проговорил он, подталкивая обеих к калитке.

– Сволочь ты бесчувственная, погань... Дошло до твоих пропитых мозгов, что случилось-то? – выкрикнула ему в лицо баба Тася, толкая его в грудь, смуглыми, крепкими кулачками.

– Ты, давай, полегче, а то я могу и осерчать, знаешь ли... И не посмотрю на то, что старая да дурная...

– Толя-а! – как-то плаксиво и по-бабьи жалобно протянула Зинаида, – Отец твой умер, ты понимаешь или нет? Горе-то какое... Скончался от побоев... Его ведь забрать надо из больницы, сюда везти, хоронить...

– Разберёмся... – процедил он сквозь зубы...

– Жаль, что отец заявление не захотел написать на тебя, – вставила баба Тася, – снова пожалел сыночка-подонка...

– Ох, чую, договорится кто-то у меня сёдни... – играя желваками и страшно оскалившись, напирал на неё Толик. Зинаида тянула пожилую соседку за калитку:

– Идём, тетя Тась, не надо... Баба Тася нехотя вышла, но затем остановилась и упрямо, даже с каким-то вызовом добавила:

– А я вот напишу! Я там всё расскажу, что ты за гнида такая, как ты жену с матерью колотил, как над дитём родным изгалялся, и как отца убил...

– Что-о!? Ах ты ж...

...Толик, пошатываясь, откинул в сторону кусок соснового бруса, которым собирался запустить вслед быстро удалявшимся женщинам, достал из кармана отцовской спецовки, лежащей на поленнице, зажигалку, полностью оторвал верхнюю часть измятой и наполовину выпотрошенной сигареты и с жадностью закурил.

– Балаболка... – он грязно выругался, – Пиши, пиши... А я погляжу, как это у тебя получится, с оторванными-то руками, ведьма старая... Воспитатели, мать их... – Толян снова выпустил тяжёлую бранную очередь, – Отец, вон тоже всё учил жизни... Иди учись, иди работай... Вот и договорился... Да он и не помнит, чтобы прям бил его, – Толик пожал плечами, – так, оттолкнул малость, чтоб деньги взять. Толя обжёг губы, со злостью отшвырнул окурочек и пошёл к дому. – Да он и взял-то, боже мой, шуму сколько лишнего, всего двести рублей. Ну, может ещё от двери папаню слегка шуганул, а нечего под ногами путаться и проход загораживать, когда у человека всё нутро огнём жжёт... Да он, Толик, сам вчера чуть богу душу не отдал, пока деньги эти клячил. Сколько можно! Удовольствие отцу, наверное, доставляет унижение собственного сына. Тот ему про Фому, а он те про Ерёму... Он к нему, понимаешь, по-людски, мол, батя, будь человеком, маюсь жутко, выдай, хоть на чекушку, сердце останавливается, потом ледяным обливаюсь, а он ему: «Когда работать начнёшь?!» Да он, Анатолий Кислицин, инвалид третьей группы, между прочим, у него три пальца на левой руке неподвижные. Это он однажды руку неаккуратно под опускающийся короб с подшипниками сунул, ну, ясное дело,

выпивши был, ну а как же... Стал бы он такой ерундой трезвый страдать... А весу в том кубе – ого-го! Вот и ходит теперь, клешней этой размахивает. Так что, спасибо, конечно, но поработал уже...

На самом деле с настроением у Толика всё было в порядке, главным образом, потому, что деньги он нашёл сразу. А ворчал уже просто по давнишней, застарелой привычке оправдать себя хотя бы в собственных глазах и снова почувствовать себя в роли незаслуженно и, главное, невинно пострадавшей жертвы. Он открыл холодильник, тоже, просто так, как делал это раньше, в какой-то прошлой, уже почти и не в своей жизни. Потому что аппетита тоже не было. Для того чтобы он появился, ему надо было сходить в магазин. Последние годы он ни ел уже, он закусывал. Да и то, далеко не всегда.

В магазине Толику чуть не испортила настроение крикливая, хамоватая Светка-продавщица. Она с порога заявила, чтоб он убирался из её магазина, и что продавать она ему ничего не станет. Хотел Толян напомнить ей культурно о том, как нужно вести себя с покупателями, и о том, заодно, что человек, который несёт деньги в государственный, *а не твой*, паскуда, магазин, всегда прав, но Виталик, кореш его старинный, уговорил не связываться с лахудрой, взял у Толяна деньги и отправил домой. А через полчаса пришёл сам, с весело и обнадеживающе булькающим пакетом в руках.

Через час, Толя, сидя на своей продавленной софе, которая, к слову сказать, на своём веку, видела кое-что и похуже просиженных подушек, стучал кулаком по своей впалой груди и объяснял Виталику:

– Ну вот, хорошо, положим, мне не так уж сильно мешает эта рука, – он помахал перед лицом приятеля левой кистью с тремя, покалеченными пальцами, – и работать я, в принципе, мог бы, но где, скажи? Он поднял стакан с налитой до половины водкой и строго объявил:

– За папаню... Царствие, как говорится... И всё такое... Не чокаясь, – залпом выпил, взял кусок хлеба с заветренной колбасой, внимательно посмотрел на него, понюхал и положил обратно... – Кобелю отдай, как на двор пойдёшь, – сказал он Виталику, – скулит с утра, гад такой, сил нет. Виталик кивнул и молча выпил. Толик подкурил сигарету из новой пачки и с удовольствием затянулся:

– А Петрович, дряхлый пень, – Толик покачал головой, как бы ни веря, что люди на такое способны, – Отцеубийца, говорит, будь ты проклят! За что они со мной, так, а? – жалобно спросил он у Виталика.

– Забей! – разливая водку по стаканам, махнул рукой тот.

– Главное, – начал опять Толян, – Я к отцу-то подхожу, и еле-еле шёпчу: «Помираю, батя, ей-богу, сердце, чую, останавливается, налей, прошу его, значит, ну, или денег чуток дай...», а он мне: «Иди, говорит, проспись, у тебя эти проблемы со здоровьем каждый день...» Ну и, понятно дело, не выдержал я...

Хоронили Николая Николаевича, отца Толика, всем селом. Из родни никого не было. На похоронах сын не присутствовал, так как находился в пьяной отключке. Когда, после звонка медиков, к его отцу в больницу явилась полиция, Николай Николаевич и им тоже сообщил, что упал с лестницы, когда спускался в подвал. Составы преступления, стало быть, никакого нет.

Анастасия Филипповна (баба Тася) никому писать не стала. За себя ей не страшно, но у неё подрастают трое внуков. К тому же живёт она слишком близко к Толику, и тому ничего не стоит пустить «красного петуха» в коровник, а там, помимо любимой Зорьки, уже двое телят. А он, или кто из его вечно пьяных дружков устроить это может запросто. Они об этом даже прилюдно говорят, не стесняются. Баба Тася долго живёт на свете и почти уверена, что вряд ли закон в состоянии защитить её от человека, которому сошло с рук убийство родного отца. Пусть и непреднамеренное.

Мать Толика пока не приехала, но регулярно, дважды в месяц она переводит Толику деньги, ведь нужно на что-то жить её мальчику, который там совсем один...

Жизнь самого Толика, практически, никак не изменилась. Он так же ходит по селу, жалуется на трудности одиночного существования и стремительно ухудшающееся самочувствие. Люди в селе, где живёт Анатолий, добрые и отзывчивые. Ещё не было ни одного случая, чтобы ему не посочувствовали, пусть и скрепя сердце, и не поднесли стаканчик или два живительного эликсира, без которого Толик никак не может ни начать, ни закончить свой день.

Ах да, любимый пёс Николая Николаевича, Пират, пережил своего хозяина, всего дней на десять. Никто не знает, от чего он умер, от тоски по хозяину или от голода. А может, от того и другого вместе. Да никто особенно и не задумывается, ведь это всего лишь собака...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.